

Заключение

Книга, которая только что прочитана, является, наряду с другими, эссе о методе в области столь смутной, столь мало и столь плохо структурированной как история идей.

Ее историческое обоснование очень ограничено, поскольку в целом она трактует развитие медицинского наблюдения и его методы на протяжении едва ли полувека. Речь, тем не менее, идет об одном из тех периодов, которые обрисовывают неизгладимый хронологический порог: момент, когда страдание, контрприрода, смерть, короче, вся мрачная глубина болезни выходит на свет, то есть разом освещается и рассеивается как ночь в глубоком, видимом и прочном, закрытом, но доступном пространстве человеческого тела. То, что было фундаментально невидимым, необходимо предъявляет себя ясности взгляда, в своем внешнем проявлении, столь простом, столь непосредственном, что оно кажется естественным вознаграждением за лучше выполненный эксперимент.

Складывается впечатление, что впервые за тысячелетия врачи, свободные, наконец, от теорий и химер, согласились приступить в чистоте непредвзятого взгляда к самому объекту их опыта. Но необходимо развернуть анализ: изменились именно формы наблюдаемого. Новый медицинский дух, который, без сомнения, абсолютно связно засвидетельствовал Биша, не был предписан порядку психологического и эпистемологического очищения. Он есть не что иное, как эпистемологическая реорганизация болезни или пределов видимого и невидимого, следующих новому плану. Пропать под болезнью, самая бывшая ею, внезапно обнаруживается в свете языка - этот свет, без сомнения, таким же образом осветил 120 Дней, Жюльетту и Несчастья[463].

Но здесь речь идет только об области медицины и о способе, которым в течение нескольких лет структурировалось особое знание о больном индивиде. Чтобы клинический опыт стал возможным как форма познания, была необходима полная реорганизация больничной сферы, новое определение статуса больного в обществе и установление определенного отношения между содействием и опытом, между помощью и знанием. Необходимо было поместить болезнь в коллективное и однородное пространство. Необходимо было также открыть язык совершенно новой области: постоянной и объективно установленной корреляции наблюдаемого и высказываемого. Итак, было определено абсолютно новое использование научного дискурса: использование безусловной верности и покорности многоцветному содержанию опыта - говорить то, что видится; но также использование формирования и установления опыта - побуждать увидеть, говоря о том, что наблюдается. Таким образом, медицинский язык было необходимо расположить на этом внешне поверхностном, но, на самом деле, глубоко скрытом уровне, где формула описания есть в то же время разоблачающий жест. И это разоблачение включает в себя в свою очередь дискурсивное пространство трупа как область первопричины и проявлений истины: раскрытую внутренность. Формирование патологической анатомии в эпоху, когда клиницисты определяли свой метод - не простое совпадение: равновесие опыта требовало, чтобы взгляд, устремленный на индивида, и язык описания покоились на устойчивом,

видимом и разборчивом основании смерти.

Эта структура, где артикулируется пространство, язык и смерть - то, что в совокупности называется клинико-анатомическим методом - образует историческое условие медицины, которое представляет себя и воспринимается нами как позитивное. Позитивное - приобретает здесь глубокий смысл. Болезнь отрывается от метафизики страдания, которому на протяжении веков она была родственна, и обретает в наблюдаемости смерти законченную форму, где ее содержание появляется в позитивных терминах. Болезнь, мыслимая по отношению к природе, была неоднозначным негативом, причины, формы и проявления которого объявляли себя не иначе как окольным путем и всегда издалека; болезнь, воспринимаемая по отношению к смерти, становится исчерпывающе разборчивой, без остатка открытой эффективному рассечению речью и взглядом. Именно тогда, когда смерть была эпистемологически интегрирована в медицинский опыт, болезнь смогла отделиться от контрприроды и обрести плоть в живой плоти индивидов.

Без сомнения, для нашей культуры решающим останется то, что первый научный дискурс, осуществленный ею по поводу индивида, должен был обратиться, благодаря этому моменту, к смерти. Именно потому, что западный человек не мог существовать в собственных глазах как объект науки, он не включался внутрь своего языка и образовывал в нем и через него дискурсивное существование лишь по отношению к своей деструкции: опыт "безумия" дал начало всем видам психологии, и даже самой возможности существования психологии; от выделения места для смерти в медицинском мышлении родилась медицина, которая представляет собой науку об индивиде.

И возможно, в целом, опыт индивидуальности в современной культуре связан с опытом смерти: от вскрытых трупов Биша до фрейдовского человека упрямая связь со смертью предписывает универсуму свой особенный облик и предуготовляет речи каждого возможность быть бесконечно услышанной; индивид обязан ей смыслом, который не прекращается вместе с ним. Разделение, которое она проводит, и конечность, метку которой она предписывает, парадоксально связывают универсальность языка с хрупкой и незаменимой формой индивида. Чувственный и неисчерпаемый для описания по истечении стольких веков, он находит, наконец, в смерти закон своего дискурса. Она позволяет увидеть в пространстве, артикулированной речью, телесное изобилие и его простой порядок.

Исходя из этого, можно понять важность медицины для создания наук о человеке: важность не только методологическую, в той мере, в какой она касается человеческого существа как объекта позитивного знания.

Возможность для индивида быть одновременно и субъектом и объектом своего собственного знания содержит в себе то, что игра в конечность может быть инвертирована в знание. Для-классической мысли она не имеет иного содержания кроме отрицания бесконечности, тогда как мысль, формирующаяся в конце XVIII века, придает ей позитивные возможности: появившаяся антропологическая структура играет, таким образом, сразу роль оценки границ и роль созидателя первоначала. Именно этот резкий поворот послужил философской коннотацией для организации позитивной медицины; на эмпирическом

уровне, напротив, она была одним из первых проясненных отношений, связывающих нового человека с исходной конечностью. Отсюда определяющее место медицины в архитектуре совокупности гуманитарных наук: более, чем другие, она близка всех их поддерживающей антропологической диспозиции. Отсюда же и ее авторитет в конкретных формах существования; здоровье замещает спасение - говорил Гардиа. Медицина предлагает новому человеку настойчивый и утешительный лик конечности; в ней смерть подтверждается, но, в то же самое время, предотвращается; если она без конца объявляет человеку предел, заключенный в нем самом, то она говорит и о том техническом мире, что является вооруженной, позитивной и заполненной формой его конечности. Жесты, высказывания, медицинские взгляды приобретают с этого момента философскую плотность, сравнимую с той, которой ранее обладала математическая мысль. Значение Биша, Джексона, Фрейда для европейской культуры доказывает не то, что они были в той же мере философами, как и врачами, но то, что в этой культуре медицинская мысль по полному праву заняла статус философии человека.

Этот медицинский опыт родствен также лирическому опыту, искавшему свой язык от Гельдерлина до Рильке. Этот опыт, который открыл XVIII век и от которого мы до сих пор не ускользнули, связан с освещением форм конечности, наиболее угрожающей, но и наиболее полной из которых является смерть. Эмпедокл Гельдерлина, достигающий на своем добровольном пути кромки Этно - это смерть последнего посредника между смертными и Олимпом, это конец бесконечности на земле, пламя, возвращающееся к породившему его огню и оставляющее как единственный след, сохраняющий то, что по справедливости должно быть уничтожено смертью: прекрасную и закрытую форму индивида. После Эмпедокла мир будет расположен под знаком конечности в этом непримиримом промежутке, где царит Закон, суровый закон предела; индивидуальность всегда будет роковым образом обретать лик в объективности, которая проявляет и скрывает, отрицает и устанавливает: "здесь, к тому же, субъективное и объективное меняются своим обликом", причем способом, который может с первого взгляда показаться странным. Движение, которое поддерживает в XIX веке лирику, реализуется только одновременно с тем, благодаря которому человек приобретает позитивное знание о самом себе. И стоит ли удивляться, что фигуры знания и языка подчинены одному и тому же глубокому закону, и что вторжение конечности бытия так же возвышает связь человека со смертью, здесь позволяя вести научное рассуждение в рациональной форме, а там - открывая источник языка, который бесконечно развивается в пустоте, оставленной отсутствием богов?

Формирование клинической медицины - лишь одно из наиболее заметных свидетельств этих изменений в фундаментальном распределении знания. Можно видеть, что они идут куда дальше, чем это может быть раскрыто при беглом позитивистском прочтении. Но когда позитивизмом осуществляется вертикальное исследование, становится очевиден одновременно скрытый им, но необходимый для его рождения весь ряд фигур, который будет впоследствии освобожден и парадоксально использован против него. В частности то, что именно феноменология будет ему противостоять с особым упорством, было уже представлено в системе ее условий: значащие возможности наблюдаемого и его корреляции с языком в исходных формах опыта, формирование объективности, начиная со значений знака, скрытая лингвистическая структура данных, конституирующий характер телесной пространственности, значение конечности в отношении человека к истине и в обосновании этого отношения, все это уже было введено в действие при рождении позитивизма. Введено

в действие, но к своей выгоде забыто. Так что современная мысль, надеявшаяся с конца XIX века избежать позитивизма, добилась лишь того, что мало-помалу вновь открыла то, что и сделало его возможным. Европейская культура в последние годы XVIII века наметила структуру, которая все еще не распутана; из нее едва начинают разматываться несколько нитей, настолько нам еще незнакомых, что мы охотно их принимаем за удивительно новые или абсолютно архаичные, хотя на протяжении двух веков (не меньше, однако и не намного больше) они образовывали темную, но прочную основу нашего опыта.

Версия #1

Зверобой создал 26 мая 2025 15:01:20

Зверобой обновил 26 мая 2025 15:01:30